

ногие, и я в том числе, не подавали ему руки. Тогда он быстро уехал из Москвы в Белоруссию.

Алфавит-2002-Февраль-с.18-19.

малодушие

Георгий Бахтаров

Потомок героя спас
свою жизнь
ценой предательства

Мы продолжаем публикацию воспоминаний старейшего российского артиста Георгия Бахтарова. В № 49 "Алфавита" Георгий Юльевич рассказал, как в 1936 году его, ведущего актёра Театра имени М.Н. Ермоловой, посадили за то, что он якобы "будучи человеком антисоветски настроенным вёл злостную контрреволюционную пропаганду и распространял враждебные клеветнические слухи о товарище Сталине". И вот он дополняет эту историю подробностями о нравах, царивших в то время в театральных кругах.

НАЧИНАЛОСЬ ВСЁ РАДУЖНО. С 1930 года мы, выпускники Театральной студии имени Ермоловой, показывали свои спектакли в разных клубах, а через два года нам уже дали собственное помещение. Нашему счастью не было предела. К открытию театра наш руководитель, Макс Абрамович Терешкович, поставил "Последнюю жертву" А. Островского. Спектакль получился очень красивым и эффектным. Каждая картина вызвала взрыв аплодисментов. На премьеру пришли многие известные люди: Константин Симонов, Берсенев, Гиацинтова, Бирман, Афиногенов, Демьян Бедный, Вера Инбер, актёры Малого театра, МХАТа, маститые критики. Появились очень доброжелательные рецензии.

Жизнь нового театра складывалась великолепно. Мы влюблены в своего руководителя. Наши спектакли оформляют замечательные художники – Николай Акимов и Юрий Пименов. Зал всегда полон. Я – в группе ведущих актёров. Все мы молоды, много работаем.

Ничто не предвещает грядущих неприятностей. И вдруг неожиданно арестовали двух наших актёров. Отпустили их довольно быстро, месяца через полтора, и мы не придали этому неприятному происшествию особого значения: справедливость восторжествовала. Через какое-то время посадили ещё одного актёра. Его продержали подольше, но он тоже вернулся.

А потом наступил 1936 год. В один из вечеров, отыграв спектакль с символическим названием "Моё преступление", я приехал домой, принял душ и лёг с книгой в кровать. Посреди ночи раздался звонок в дверь, появились господа из НКВД, полусонный дворник и солдат с ружьём. Так меня арестовали. И это было уже капитально – с тюрьмой, высылкой, лагерем. Через некото-

рое время арестовали ещё одного актёра, моего товарища Женю Кравинского. Мы случайно встретились с ним в пересылке и совершенно точно вычислили, кто же нас посадил. Вспомнили, какие вопросы нам задавали на следствии и с кем мы на эту тему разговаривали в театре. Мне, например, инкриминировали антисоветские разговоры, троцкистскую направленность мышления, злостные клеветнические слухи о вожде народов товарище Сталине. Обвинения довольно суровые, но совершенно бездоказательные. Проанализировав всё случившееся, мы поняли, что выдал нас наш коллега Андрей Раевский.

АНДРЕЙ БЫЛ МОЛОДЫМ АКТЁРОМ из более чем аристократического рода. Его предок – генерал Раевский, герой Отечественной войны, сражавшийся под Бородино. Мы с Андреем были в хороших отношениях, и я просто не мог себе представить, что же заставило его сделать эту подлость. Но однажды в какой-то газете появилась статья "Гнездо бывших", где говорилось, что в секретариате Верховного совета под руководством самого Енукидзе обнаружился дворянский отпрыск, которые вели вредительскую работу. Родная сестра актрисы нашего театра Эдды Урусовой была замужем за братом Раевского. Она работала в этом самом секретариате, её посадили. Следом за ней – её мать, мужа, потом ещё одного брата Раевского. Одним словом, семью Раевских уничтожили под корень. Но Андрей Раевский –

единственный из всей семьи – остался на свободе. Нетрудно догадаться, что ему предложили: или ты будешь давать нужные сведения, и тогда тебя пощадят, или пеняй на себя. Он оказался слаб.

И он стал нас провоцировать. Начиная разговор в гримуборной о какой-нибудь статье в газете и строил его так, чтобы кто-то из нас высказался иронически по поводу происходящего. Раевский, например, спрашивал: "Ты знаешь, что обвиняемых в поджоге рейхстага отпустили?", а я говорил: "У нас бы их чёрта с два освободили". Как-то я рассказал, что, когда Сталину дали на подпись список артистов на присуждение звания, там не было фамилии актрисы Сергеевой, Сталин посмотрел список и спросил: "А Пышка?", и фамилию Сергеевой тут же внесли. Реплику Сталина я произнёс с акцентом, и это на следствии тоже ставилось мне в вину.

Как-то на политзанятиях, которые были неотъемлемой частью нашей жизни, зашёл разговор о Брестском мире. Все хотели высказаться. Больше всех не терпелось Жене Кравинскому. Ему было всего 20 лет, и он прокричал: "Дайте же мне сказать, я специалист по Троцкому". Позже ему припомнили эту его "специализацию".

Раевский не пощадил и свою жену, актрису нашего театра Веру Леоненко. Её тоже арестовали. В театре началась паника.

Сажали в те годы везде, но чтобы сразу 13 человек из одного театра! А "заинтересованные люди" сделали

Упражняться в актерском мастерстве многим в 30-е приходилось в полярной самодеятельности.

Строительство Беломорканала.